

А.Н. Сахаров

Святость и святые в истории России

Тема о роли святости и святых в российской истории в течение десятилетий фактически была насильственно закрыта в нашей историографии. Она лишь тлела скромными угольками в историко-церковных изданиях, в религиозных проповедях. Народ практически был отлучен от своих святых.

Между тем роль святости и святых в истории Рима, Византии и Руси – Московского царства – России была исключительно велика. Понятие святости, образ святых, которые сформировались в Риме и Византийской империи, традиции, сложившиеся там в этой общественно-религиозной сфере, были во многом восприняты на Руси. Но остановиться на этом было бы неверным. “Третий Рим” стал источником своеобразных и оригинальных представлений о святости и святых, лежавших в контексте самой русской истории и истории Русской православной церкви. В свою очередь эти понятия оказывали огромное влияние на духовное и культурное развитие российского народа, на его национальное самосознание, на политическую сферу и даже на военные свершения.

Понимание святости на Руси, зародившееся в древности и существующее поныне, имеет несколько аспектов. Прежде всего это святость места, где происходила встреча христиан с Богом, понимание церковного здания (храма) как места, где “Бог с людьми пребывает”, и святость христиан вообще как людей, причастных к Богу. Причем эта святость могла проявляться лишь в ограниченном пространстве святых церковных стен.

Печать святости, т.е. причастности к Богу, лежала также на всех вещах, связанных с литургией: сосудах, облачениях, крестах, иконах. Сюда же относились сложившиеся издревле церковные ритуалы, скажем осенение себя крестным знамением, а также церковные книги, сами тексты этих книг, становящиеся священными.

Понятие святости связано также с его трактовками в русских житиях святых. Это и страдальцы за веру и правду, какими являлись первые русские святые братья Борис и Глеб. Это и монашеская святость, ярко проявлявшаяся в служении таких монастырских деятелей, как Феодосий Печерский – игумен Киевского Пе-

черского монастыря, Сергей Радонежский – основатель Троицкой обители под Москвой, Кирилл Белозерский – игумен Кирилло-Белозерского монастыря, и многих других.

Людей потрясали их безусловная и фанатичная преданность заповедям Христа, невероятный аскетизм, стойкое сопротивление “бесовским” искушениям, постоянное стремление личным примером (неустанный труд, бескорыстие, отзывчивость на людское горе, скромность и непритязательность, усмирение гордыни и пр.) вызвать в окружающих их собратях по монастырю, в мирянах стойкие христианские добродетели.

Жития святых выступают в средневековой Руси в качестве своеобразных “учебников святости”. Приобщение к ним, следование примеру святых отцов выступает как неперемutable приобщение к святости. Сами же жития представляют собой своеобразную эстафету святости.

Так, “Сказание о Борисе и Глебе” (конец XI в.) и “Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба”, принадлежащее перу Нестора (начало XII в.), апеллируют в обрисовке образа святых к Священному Писанию, посланиям святых апостолов и житиям древних святых¹. В свою очередь образ Бориса и Глеба входит составной частью в «Житие Александра Невского» и в «Житие Дмитрия Донского»². Аналогичные включения являются характерной частью и других древнерусских житий святых.

Эта преемственность носит не только общерусский характер, но и является поистине интернациональной. В житиях русских святых, как правило, многократно упоминаются не только деяния святых апостолов, но и идет апелляция к святым Рима и Византии. Все это вместе с деяниями самого святого образует мощный религиозно-поучительный пласт, овладение которым уже приближает человека к святости.

Наконец, святость проявлялась в деятельности русских религиозных и мирских подвижников. Религиозное подвижничество было связано действительно с подвигом во имя идеалов христианства: отказ от мирского образа жизни, заведомый уход из мирской жизни навстречу трудностям и невзгодам на лоне природы – в глухом лесу, в отдаленных северных районах, в дальних пещерах. Там подвижники проводили все время в трудах праведных и в молитвах, что очень быстро приносило им потрясающую известность и славу, с которой не могла сравниться слава даже видных политических деятелей, полководцев. Эта была слава духовного подвига и огромного морального превосходства перед простыми смертными. Недаром на поклон и благословение к печер-

ским монахам приходили великие киевские князья, а духовное превосходство создателей дальних северных обителей признавали великие московские князья и цари.

Что касается мирского подвижничества, поднимающего человека на уровень святости, то им становилось полное и бескорыстное служение своему народу, высочайший жертвенный патриотизм, принесение своей жизни на алтарь Отечества. Ведь ни Александр Невский, ни Дмитрий Донской не были церковными фигурами, однако их мирской подвиг во спасение своего народа от иноплеменного порабощения, тяжкие муки на этом пути и преждевременная смерть были оценены современниками и потомками как святое деяние.

Именно в связи с таким сложившимся на Руси понятием святости имеет смысл остановиться на проблеме влияния святости и святых на историю страны.

Аспекты этого влияния глубоки и бесчисленны. Я коснусь лишь некоторых, чтобы показать органическую связь святости и святых с крупнейшими событиями российской истории.

Именно понятие святости пребывающих в храме православных христиан, приобщение умерших к собору святых, выраженное в чине отпевания (“со святыми упокой”), в конечном итоге вело к пониманию Руси как святой страны – страны, православный народ которой приобщен к святости. Это понимание страны и ее христианского населения как отмеченного Богом особенно четко стало формироваться со времени падения Константинополя, т.е. исчезновения “Второго Рима”. Русские религиозные идеологи в тесном взаимодействии с тогдашней властью объявили Русь единственной православной державой, полноправной наследницей Рима “Первого” и “Рима Второго”. Уже в XIX – начале XX в. это понимание входит органической частью в религиозно-государственную идеологию Российской империи как Святой Руси и оказывает сильное воздействие буквально на все стороны общественной жизни страны. Это понимание пережило XX столетие и вошло в религиозно-идеологическое сознание третьего тысячелетия. Но это понимание, особенно в период социальных, национальных и конфессиональных противоборств, порой оборачивалось борьбой с “еретиками”, “иноверцами”, вызывало к жизни националистические и шовинистические тенденции, что особенно ярко проявилось в начале XX в.

Столь же сильное воздействие, что и идея святости, оказали на русскую историю подвиги русских святых. Их деяния вытекали из самого контекста русской истории. В древнерусский период они, в частности иноки Киево-Печерского монастыря, и среди

них объявленные позднее святыми Антоний, Феодосий, Илларион, Нестор, оказали влияние на становление национального и государственного самосознания, внесли большую лепту в патристическую борьбу с “агарянами”, “неверными” – печенегами, половцами.

Святые Борис и Глеб сами не оказали прямого воздействия на крупные политические события. Однако их мученическая смерть от рук наемных убийц, посланных киевским князем Святополком, отраженная в житийной традиции, оказала ошеломляющее воздействие на всю русскую историю. Святые Борис и Глеб стали символом единства Руси, русского патриотизма и, что самое удивительное, – святыми воинами – покровителями и защитниками Русской земли. Их образ постоянно в этом качестве использовался в древнерусской литературе, а позднее уже в литературе Московской Руси, в том числе и в житиях святых, о чем я уже говорил выше.

Такое же влияние на русскую историю оказали образы святых Александра Невского и Дмитрия Донского. Ставший высокопочитаемым еще при жизни, Сергей Радонежский по существу был духовным символом Московского государства уже в XIV–XV вв. Позднее влияние его образа увеличивалось от века к веку.

Этот список можно продолжить вплоть до духовных деяний Серафима Саровского в XIX в. и Иоанна Кронштадского в XX в. Их опыт показал, что влияние святости и святых отнюдь не исчерпывается с развитием цивилизации. Духовные, нравственные ценности остаются незыблемыми во все времена.

Святость, выраженная в храмах, книгах, обрядах, церковной утвари, на Руси в силу ряда исторических причин, в том числе существования двоеверия, имела совершенно уникальный характер, возможно не сравнимый с другими христианскими странами. Намоленные места, намоленные чудотворные иконы, старинные тексты, обряды почитались как нечто священное, оказывающие магическое воздействие на судьбы как отдельных людей, так и страны. Подобные явления отмечены и для католического мира. Но именно православная среда после покушения в XVII в. Никона и власти на сложившиеся в Церкви порядки пережила такое катастрофическое общественное явление, как раскол. Я думаю, прав был историк Церкви А.В. Карташев, когда утверждал, что Никон в своей церковной реформе покусился практически на святая святых русского чувствования – на культовое благочестие. История христианства не знала раскола из-за обряда, из-за текста церковной книги ни до, ни после рус-

ского раскола. Святость обожествленных объектов, жгучее чувство Бога в материи, потрясавшее русского человека, возможно, как никакой другой народ, привели к тому, что всякое покушение на такую материю воспринималось как великое святотатство, как страшный грех. За свое право верить в то, во что они верили и чему поклонялись всю жизнь, люди шли на смерть. “Произшло кровоизлияние в Русской церкви”³. Поэтому, когда сегодня люди в России приходят в ужас от мысли, что Ленин может быть вынесен из Мавзолея на Красной площади, мы должны видеть в этом не столько коммунистический фанатизм, сколько, как это ни парадоксально, сложившуюся веками традицию поклонения святыням.

В этом же ряду стоит свойственная и другим христианским народам глубочайшая вера русских людей в чудодейственную силу святых икон, мощей святых, в частности иконы Владимирской Божией Матери, вынос которой в 1395 г. перед русскими полками обратил, как считается, вспять полчища Тамерлана. Действительно, до сих пор историки теряются в догадках по поводу этого неожиданного шага страшного и непобедимого полководца.

С течением времени в русской политической мысли XVI в. святыни и святые начинают активно использоваться как доказательство богоизбранности Москвы. Именно здесь покоятся мощи св. митрополита Петра, именно Успенский собор в Кремле начинает восприниматься как место пребывания Божией Матери, именно в Москву переносится знаменитая Владимирская икона. Поразительно, что даже равнодушный к религиозным культовым вопросам Петр I осуществляет перенос мощей Александра Невского в Санкт-Петербург, как бы освещая тем самым свою новую столицу.

Перечисление фактов подобных влияний и воодушевлений под воздействием святынь можно было бы продолжить. Но и этот скромный ряд, надеюсь, показывает, насколько велико было влияние святости и святых в русской истории, насколько мощным оно остается и по сей день.

¹ См., напр.: “Сказание о Борисе и Глебе” // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 280.

² Повесть о житии Александра Невского // Литература Древней Руси. М., 1990. С. 204; Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981, С. 213.

³ См.: *Карташев А.В.* Смысл старообрядчества // Сб. ст., посвященный Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатилетия его научно-публицистической деятельности, 1890 – 30 января 1925 г. Прага, 1925. С. 373–379.